

— Хозяин, Терем Чжувай прислал Лэ Хэна, чтобы забрать человека. Как вы считаете, стоит ли передать его? — Мужун Хуань не рассказала о своём разговоре с Фан Жолинем в тот день, поэтому чувствовала себя немного виноватой.

— Я тоже получил известие. Су Хэ действительно держит слово, раз отправила сообщение Чжу Ухуэй. — Лу Иньси улыбался, но невозможно было понять, была ли это насмешка или что-то ещё.

Мужун Хуань приготовилась к долгому разговору, пытаясь уговорить:

— Я думаю, нам не стоит ссориться с Чжу Ухуэй...

— Отпустите его. — Лу Иньси коротко ответил.

— Хозяин, подумайте ещё раз... Что? Вы сказали отпустить? — Мужун Хуань сначала не поняла, а затем уставилась на него с ужасом, будто впервые видела этого человека.

— Скажите Лэ Хэну, что Фан Жолинь будет ждать его в беседке для отдыха в двадцати ли к югу от южного пригорода города Чжаоян в области Фэн. — Лу Иньси, казалось, уже давно обдумал этот план и ответил без колебаний. Это было то самое место, где он когда-то стал учеником, и Лэ Хэн об этом знал.

— Хорошо, я сейчас же отправлюсь. — Мужун Хуань ушла в замешательстве, понимая, что всё это не так просто.

Лу Иньси медленно направился в комнату Фан Жолиня, на лице его играла улыбка, словно весенний ветер, и он почтительно сказал:

— Поздравляю вас, учитель. Терем Чжувай прислал Лэ Хэна, чтобы забрать вас. Он будет ждать вас в беседке для отдыха в двадцати ли к югу от южного пригорода города Чжаоян в области Фэн.

С этими словами он снял оковы, запирающие душу, с шеи Фан Жолиня.

Ситуация изменилась слишком быстро, а поведение Лу Иньси было странным. Фан Жолинь с сомнением смотрел на него, не двигаясь.

— Кстати, это ваши пилюли. Раз уж их купили, возьмите их с собой. — Лу Иньси достал коробку с пилюлями «Слива в снегу», одну из которых уже съел, и протянул её Фан Жолиню.

Фан Жолинь не стал брать, отступив на шаг назад. Он внимательно осмотрел Лу Иньси с головы до ног, убедившись, что тот сегодня ведёт себя странно, и настороженно спросил:

— Что ты задумал?

— Учитель, что вы говорите? Раз уж наставница прислала за вами, я, естественно, должен отправить вас назад. Вы пожили у меня какое-то время, и я ничего не могу вам подарить, кроме этих пилюль. — Лу Иньси говорил легко и беззаботно, что сильно отличалось от его обычного поведения.

Фан Жолинь, к своему удивлению, замешкался:

— Как ты узнал, что она моя наставница?

— Чжу Ухуэй скрытна, и мало кто знает о её происхождении. Её действия очень похожи на ваши, и она долгое время приютила вас. К тому же моя никогда не виденная наставница — женщина. Не так уж сложно догадаться. Думаю, только она одна в этом мире согласилась бы вас приютить. — Лу Иньси улыбнулся.

Фан Жолинь молчал.

— Повозка готова. — Мужун Хуань крикнула за дверью.

— Учитель, пожалуйста. — Лу Иньси посторонился, давая ему пройти.

Хотя Фан Жолиню было трудно поверить, что его отпускают так легко, в душе он был рад и быстро направился к двери.

Лу Иньси проводил его до ворот, оставив пилюли в повозке:

— Они мне здесь не нужны, лучше возьмите их с собой.

С этими словами он опустил занавеску повозки, и кучер повёз её прочь. Внутри Фан Жолинь посмотрел на пилюли, лежащие рядом, и, подумав, положил их в мешок для хранения. Прошло уже почти месяц, и эти пилюли могли ему пригодиться.

Мужун Хуань ожидала, что Лу Иньси вдруг передумает, но он действительно отпустил Фан Жолиня, и она с облегчением выдохнула.

— Вы двое следуйте за ним и узнайте, куда он направляется. Вернитесь и доложите мне. — Лу Иньси снял с лица фальшивую улыбку и холодно приказал.

Мужун Хуань снова задержала дыхание и с сожалением спросила:

— Ты всё-таки не собираешься его отпускать?

— Разве я уже не отпустил его? — Лу Иньси с невинным взглядом, словно эти слова обидели его, снова улыбнулся. — Ты ведь не думаешь, что он действительно вернётся в Терем Чжувай?

— С его старыми ранами, куда он ещё может пойти?

Лу Иньси медленно покачал головой:

— Куда именно, я не знаю, но он точно не вернётся в Терем Чжувай.

Затем он посмотрел вдаль на повозку, которая уже превратилась в чёрную точку, его взгляд был глубоким и непроницаемым.

Ночь уже опустилась, и Терем Объятий Луны был полон шума и веселья. Слышались смехи и разговоры мужчин и женщин.

В заднем дворе горели яркие огни, искусственные горы и пруды с лотосами создавали особую атмосферу, отличную от шума главного здания.

Из западного крыла доносились звуки цитры, исполняющей мелодию «Точка алой губной помады». Песня печальная и нежная, но голос певицы был чистым и мягким, а звуки цитры лёгкими, что не соответствовало настроению песни. Видимо, она просто играла, чтобы скоротать время.

Когда мелодия закончилась, женщина продолжала перебирать струны, наслаждаясь моментом, а служанка стояла рядом в тишине. Наконец, женщина, удовлетворённая, полулёжа на кушетке, подняла руку и, рассматривая свои потускневшие ногти, прошептала:

— Кажется, пора их снова покрасить.

— Почему бы вам не пойти в главный зал? Сегодня вечером господин Сюй специально пришёл, чтобы увидеть вас. — Служанка недоумевала. Господин Сюй был наследником семьи, практикующей культивацию, красивый и талантливый. Женщина всегда была рада его видеть.

— Он приходит слишком часто, мне это надоело. — Красавица на кушетке лениво ответила.

Вдруг в дверь постучали. Служанка пошла открывать. Это был служащий из главного зала, принёсший письмо.

— Кто-то прислал письмо для госпожи Ясной Луны. — Служащий улыбался, передавая письмо служанке.

Служанка достала из кармана кусочек серебра, чтобы отблагодарить его, и закрыла дверь.

— Сянулу, кто прислал письмо? Неужели господин Сюй специально написал, чтобы пригласить меня? — Ясная Луна улыбнулась.

Сянлу быстро подошла к кушетке и, подавая письмо, сказала:

— Письмо от седьмой госпожи.

Ясная Луна взяла письмо, бегло просмотрела его и, приподнявшись, засияла от радости:

— Скажи матушке, что я в ближайшее время не буду принимать гостей. Скажи, что я заболела и уехала на отдых.

Служанка сразу же согласилась и отправилась передать это старшей хозяйке.

Ясная Луна, счастливая, сожгла письмо и, напевая мелодию, позвала другую служанку, чтобы та собрала цветы гардении и приготовила краску для ногтей. К этой встрече она должна была подготовиться наилучшим образом.

Скрип колёс раздавался всё громче, и Фан Жолинь выглянул из окна повозки. По мере приближения к городу Чжаоян он всё больше нервничал. Если он вернётся с Лэ Хэном в Терем Чжувай, его наставница, всегда равнодушная к мирским делам, не позволит ему снова уйти.

Фан Жолинь был полон решимости. Он произнёс заклинание, чтобы усыпить кучера, остановил повозку в лесу. Он хотел отомстить, пока у него ещё есть силы, и не мог просто вернуться в Терем Чжувай.

Освободившись от оков, запирающих душу, Фан Жолинь сейчас находился на начальной стадии Золотого Ядра, и ему было достаточно легко летать на мече. Однако, чтобы не привлекать внимания, он изменил внешность и решил пройти через лес, обойдя город Чжаоян с востока.

Тайные стражи, увидев, что он усыпил кучера, сразу же обсудили ситуацию. Один из них отправился доложить, а другой продолжил следить.

Примерно через шесть дней Фан Жолинь уже обошёл город Чжаоян и направился на северо-восток. Впереди лежали обширные равнины, где было трудно скрыться. К счастью, в его мешке для хранения была другая одежда, и он выбрал короткую синюю рубаху, надел соломенную шляпу, переодевшись в странствующего воина.

Недалеко находилась чайная лавка, и Фан Жолинь зашёл туда, заказал чай и сел в углу. Здесь, недалеко от города Чжаоян, было много прохожих: торговцы, странствующие практикующие, все сидели группами и болтали.

Самые свежие слухи из мира боевых искусств всегда можно было услышать в таких разговорах.

Раздалось несколько лошадиных ржаний, и появились трое: двое мужчин и одна женщина. Один из мужчин был толстым, как колокол, другой — худым, как палка, а женщина быластройной и приятной на вид, сидя между двумя мужчинами, она выглядела особенно

привлекательно.

Они осмотрелись и увидели, что все столы в чайной заняты, кроме стола Фан Жолия, где он сидел один.

— Брат, вы ждёте кого-то? Можем ли мы присоединиться? — Толстяк громко, но вежливо спросил.

— Конечно, садитесь. — Фан Жолия кивнул, он изменил внешность и был одет в простую одежду, так что не видел необходимости избегать таких ситуаций.

Трое, видя его спокойствие, поблагодарили и сели, заказав чай, вино, четыре закуски и двадцать лепёшек. Вскоре стол был полон, а тушёная курица, видимо, ещё не была готова. Толстяк тепло пригласил:

— Давайте, брат, ешьте вместе.

— Могу я узнать ваше имя? — Худой вежливо спросил.

Эти трое были дружелюбны, и Фан Жолия почувствовал к ним симпатию.

— Меня зовут Янь.

— Меня зовут Чжан, все зовут меня Толстяк Чжан. — сказал толстяк.

— Меня зовут Ли Шэн, а это моя сестра. — Худой указал на женщину рядом с ним.

— Зовите меня Цзяо-нян. — сказала женщина.

Они тепло представились, и Фан Жолия кивнул в ответ.

<http://bllate.org/book/15097/1333921>